

Н. Сладков

Лесные тайнички

лучшие рассказы
о живой
природе

с вопросами и ответами
для почемучек

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

БИОЛОГИЧЕСКИЙ

МУЗЕЙ

ИМ. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

РЕКОМЕНДУЕТ

Аванта

Лучшие рассказы о живой природе с
вопросами и ответами для почемучек

Николай Сладков

**Лесные тайнички. С вопросами
и ответами для почемучек**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-053.2: 373.3/4
ББК 84(2Рос=Рус)6+74.101

Сладков Н. И.

Лесные тайнички. С вопросами и ответами для почемучек /
Н. И. Сладков — «Издательство АСТ», 2018 — (Лучшие рассказы
о живой природе с вопросами и ответами для почемучек)

ISBN 978-5-17-108116-4

В книгу «Лесные тайнички» писателя-натуралиста Николая Ивановича Сладкова вошли лучшие рассказы из одноименного цикла, посвященного родной природе. Наша книга подарит детям и взрослым уникальную возможность – прочитать их с комментариями биолога, найти ответы на самые частые вопросы и по-новому взглянуть на окружающий нас мир природы! Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-053.2: 373.3/4
ББК 84(2Рос=Рус)6+74.101

ISBN 978-5-17-108116-4

© Сладков Н. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

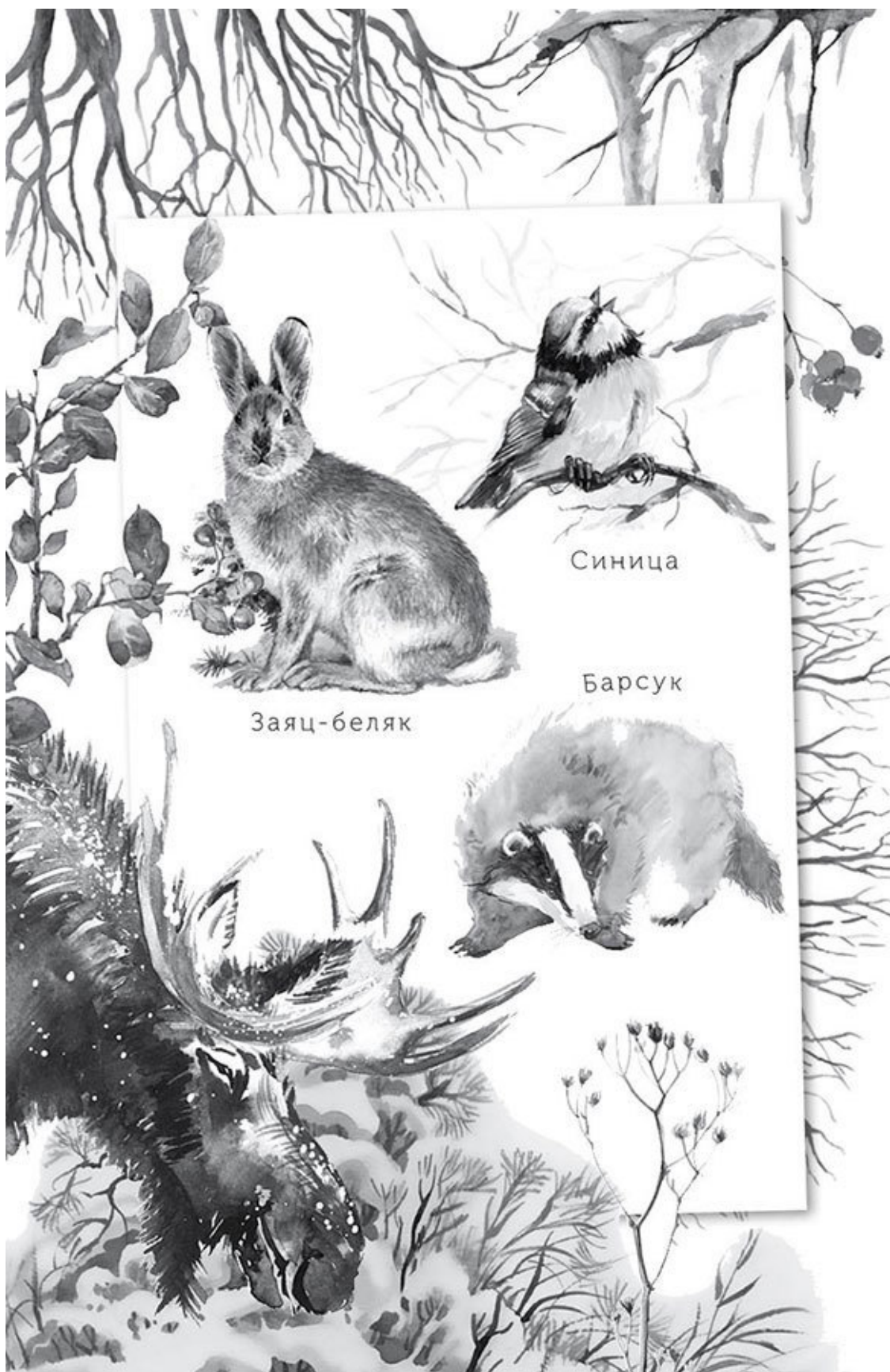
Содержание

Январь	7
Как Медведя переворачивали	10
Синичка необыкновенная	13
Февраль	15
Бюро лесных услуг	16
Песенки подо льдом	19
Цена песенки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Сладков
Лесные тайнички. С вопросами
и ответами для почемучек

© Сладков Н. И., насл., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Январь

Каждый год мы путешествуем вокруг Солнца. Мы летим на нашей Земле, как на огромной ракете. В пути мы пересекаем двенадцать месяцев – словно двенадцать разных стран. Проплывают мимо зелёное лето, золотая осень, белая зима и **лазорева весна**.

Мы летим вокруг Солнца.

Январь – месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они всегда вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья – что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах. Под холодным сводом неба, покорно склонив тяжёлые головы, застыли скорбные белые деревья.

Вместе со снегом налетели и набежали в лес диковинные невиданные существа. Они раселись по пням и сучкам, вскарабкались на ёлки и сосны – странные белые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Тут вылез из сугроба лесной человечек в огромной белой папахе. Там, на пеньке, сидит не то белочка, не то зайчик. Сложил он белые лапки на белое пузечко, молчит и смотрит на белый лес. На камне у речки белая Алёнушка: склонила голову на плечо, подпёрла белой ладошкой белую щёчку. Обласкало солнце пригорюнившуюся Алёнушку, и с мохнатых хвойных ресниц её закапали слёзы...

А вот зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону, посмотри чуть со стороны – и обернётся зверёк простым сучком, запорошенным снегом. Вот птица не птица, зверь не зверь: пальцем тронь – рассыплется в прах.

Белые медведи и белые совы. Зайцы, куропатки, белочки. Сидят, лежат и висят.

Полон лес диковинных птиц и зверей. Хочешь увидеть их – поторопись. А то дунет ветер – поминай как звали!

Почему весна «лазорева»?

Весеннее небо отливает синевой и нежной голубизной. Поэтому и называют весну лазурной. А ещё есть птичка – синичка-лазоревка. Посмотри на неё, и ты сразу поймёшь, что такое лазурь. У неё лазурью отливают крылья, хвост и шапочка. Спинка – изумрудная, а грудь и брюшко – золотистые.

Синица-лазоревка

А настоящий медведь в берлоге с боку на бок переворачивается?

Есть пословица: солнце – на лето, зима – на мороз. Середина января – середина календарной зимы. Селяне всегда стремились как-то отметить это событие и придумывали приметы, в том числе и про медведя, который переворачивается на другой бок. Медведь спит сладким сном и не думает переворачиваться. Если бы он даже захотел это сделать, вряд ли бы у него получилось. Берлога медвежья тесна. Никаких хоромов перед спячкой медведь себе не готовит. Втиснется кое-как и – всем спокойной ночи!

Как Медведя переворачивали

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день – метель, что ни ночь – мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как **Медведь перевернётся** на другой бок – так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение.

Пошли Медведя будить:

– Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гугу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

– Эх, долбануть бы его в затылок! – воскликнул Дятел. – Небось бы сразу зашевелился!

– Не-ет, – промычал Лось, – с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч! Услышь ты нас, слёзно просим и умоляем – перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле, – шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

– А мне какое до вас, лосей, дело! Мне снег глубокий только на пользу: и тепло, и спится покойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

– А не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл – что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп – и готово!

А Медведь своё:

– Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела – не вытерпела:

– Ах ты, тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

– Четыре, пять, шесть! – насмехается Медведь. – Вот напугала! А ну – кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы – начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась да как запищит:

– Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышинному. Вы меня попросите – я его мигом переверну!

– Ты, Медведя?! – ахнули звери.

– Одной левой лапкой! – похваляется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу – давай Медведя **щекотать**. Бегаёт по нему, коготками царапает, зубками прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

– Ой, не могу! – завывает. – Ой, перевернись, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги – как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:

– Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.

Ну а как **перевернулся Медведь** на другой бок – так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день – солнце выше, что ни день – весна ближе. Что ни день – светлей, веселей в лесу!

Правда, что медведь мышей боится?

Конечно же косолапый не боится мышей. Мишка при удобном случае кушает их с удовольствием и полёвок – тоже. Весной отощавший за зиму медведь все гнёзда грызунов на лесных полянах перевернёт в поисках свежатинки.

Синичка необыкновенная

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше других синиц – пухляков, москочков, лазоревков. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попала в мой западок. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы – и вот умерла. Я растерянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым. Я подержал её, подержал – и положил на пенёк. И только руку отвёл – синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет – умрёт, захочет – воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить **спинкой вниз**. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи.

Боятся ли медведь щекотки?

Косолапый не терпит бесцеремонного обращения и придавит любого «щекотальщика» одной лапой.

Может ли мышка попасть в берлогу?

Случайно, наверное, и может провалиться, разгуливая под снегом. Но выскочит оттуда, словно ошпаренная. Медвежий запах для мышей означает беду.

Почему лёжа на спинке синица замирает?

Многие птицы впадают в особое гипнотическое состояние, если их положить на спинку. Так ведут себя даже гуси. Правда, чтобы вызвать «гипноз» у лежащей на спинке птицы, нужно прикрыть пальцами глаза. «Обморок» у птицы непродолжителен. Через минуту-две она приходит в себя. Подобное поведение объяснить сложно. Никаких преимуществ гипноз не даёт. Лисица или хорёк не будут разбираться, жива птичка или нет.

Февраль

Свистит косая метель – белая метла дороги метёт. Дымятся сугробы и крыши. Рушатся с сосен белые водопады. Скользит по застругам яростная позёмка.

Февраль летит на всех парусах!

Гонятся вихри за санями, машинами, кружат хороводы вокруг домов, заметают пути-дороги.

Тонут в белых волнах заборы. За каждым столбом – снеговорот. Над каждой елью – белые флаги.

Завевает, кружит, заносит. Свистит, скулит, воеет. Лепит в глаза, в спину толкает, дышать не даёт.

Тучи-снегосыпы сыплют снег сверху. Сугробы-снеговеи веют снег снизу. Солнце запуталось в вихрях, как золотая рыба в белой сети.

Круговерть от земли и до неба!

Почему февраль летит?

У февраля два друга – метель да вьюга. Из-за частых снегопадов февраль величали «ветродуем» и «лютнем». В древнерусском календаре месяц назывался сечень, в народных месяцесловах – бокогрей, снежень, межень, лютый, кривые дороги.

Бюро лесных услуг

Нагрязнул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить?

Хорёк говорит:

– Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

– Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет чтоб нам сообща **против общей беды!** И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

– Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют – мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

– Есть-таки умная голова и в нашем лесу! – обрадовалась Сорока. – Кто следующий?

– Мы следующие! – закричали клесты. – Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц – копатель, клесты – бросатели», – записала Сорока.

– Кто следующий?

– Нас запиши, – проворчали бобры из своей хатки. – Мы осенью столько осин навалили – на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиную кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло!

Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вёроны приглашают на падаль, воробьи свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум и Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

– Запиши и меня в Бюро!

Сорока чуть с дерева не упала:

– Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём хочешь делать?

– Сторожем буду служить, – отвечает Волк.

– Кого же ты сторожить можешь?

– Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, **куропаток на зеленях**, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

– Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! – закричала Сорока. – Проходи, проходи-меч, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока – сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга.

Всякое в лесу бывает.

Как все звери понимают друг друга?

В лесу птицы и звери «говорят» каждый на своём языке. Однако есть в их «языках» такие «слова», которые понятны и другим без всякого перевода. Это крики тревоги и бедствия. Сороки, сойки и кедровки – птицы громокоголосые. Когда они тревожно кричат, птичий язык понимают даже звери. Зайчик насторожится, а потом и стрекача даёт. Поднимет уши кабан. Не человека ли с ружьём заметили зоркие птицы? Громко пищит раненый или попавший в петлю

заяц. На его «плач» первыми слетаются синички. Порхают рядом, громко пищат, но помочь лопухому страдальцу они ничем не могут.

Кедровка

Что такое зеленыя, где волк куропаток собирался сторожить?

Зелеными в старину называли озимые посевы ржи и пшеницы. Зёрна сеяли осенью, и к зиме поля зеленели молодыми росточками. Так зелёными и под снег уходили. Под снежным одеялом они, не вымерзая, проводят всю зиму. Зайчишки – большие любители свеженькой зелени. Зимой они приходят на заснеженные поля и раскапывают из-под снега вкусное лакомство. Иногда, чтобы добраться до росточков, роют глубокие норы. На заячьих «копанках» часто кормятся серые куропатки.

Серая куропатка

Песенки подо льдом

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынют зубы.

Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их – как ручеёк: так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи же, в самом деле, поют, где уж им, деревянным. Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл...

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая, такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть – птица...

Я стукнул лыжей по льду – песенка смолкла. Я постоял тихо – песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

– Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

– А я ведь знаю тебя! – сказал я. – Ты оляпка – **водяной воробей!**

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул он под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стучаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать.

Зачем оляпка под лёд залезает?

Оляпка кормится под водой даже в морозы. Главное для неё – найти незамерзающую промоину. Сложив крылья, птичка бежит, а поток прижимает её ко дну. На ходу оляпка собирает мелкую живность. Стоит только расправить крылья – и вода выталкивает птичку на поверхность. Под водой оляпка петь не может. Попробуйте сами. Не пропев куплета, захлебнётесь. То же самое произошло бы и с оляпкой, если бы она вдруг вздумала запеть под водой. Да и петь ей там некогда. Нужно кормиться, а не петь. Оляпка действительно поёт зимой – на камешках или льдинах, но под водой – никогда.

Оляпка

Цена песенки

Чижа я купил за рубль. Продавец сунул его в бумажный кулёк и подал мне.

Я посадил чижа в клетку и стал разглядывать. Зеленоватенький, шустрый, с хитрым чёрным глазком. Словом, чижик-пыжик!

Кормил я чижа спелыми берёзовыми серёжками да изредка просовывал в клетку свежие веточки вербы. Была зима, но дома в тепле на прутиках вербы, стоящих в банке с водой, появились «барашки». Как белые заячьи хвостики.

Чиж любил трепать клювом эти заячьи хвосты. Треплет, треплет, а растреплет – и запоёт. За окном зимняя тишина, холодина, а дома птица поёт! Юлит на жёрдочке, и из клювика её так и брызжут, так и брызжут весёлые посвисты!

Поёт по всем птичьим правилам. У людей ведь как – поели и запели. А у птиц наоборот – попели и заели. Весной в утренних сутемках, когда ещё и не видно ничего, гремит мощный птичий хор. А как развиднится – притихнет. Увидали, значит, разных там жучков и паучков.

Прожил чиж у меня год. Совсем обжился. Вскочит, бывало, на палец, устроится половчее, горлышко у него задрожит – и полетели из клюва звонкие брызги!

Привык я к чижу.

И вдруг приходит тот самый продавец, у которого купил я чижа, и говорит:

– Продай чижа назад! Завтра на ловлю, а мой **манный чиж** околел. Продай твоего.

Я даже не поверил – как так продать?

– Да так, – говорит, – продай!

Я совсем растерялся:

– Как же я его продам, если...

– Что если, – жмёт продавец, – что если? Потратился на него? Ну так вот: платил ты за него целковый, корма за год извеёл на трёшку. Вот тебе четыре целковых и давай чижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.